

ЗАРОЖДЕНИЕ НАУЧНОГО БЕЛОРУСОВЕДЕНИЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ПОЛЬШЕ (1918–1939 гг.)

Дмитрий Карев, Анастасия Дудько
Гродно, Беларусь

В статье на основе изученной историографической традиции и опубликованных источников рассматриваются условия и специфика зарождения традиций белорусоведения на примере двух европейских государств (Великобритания, Польша) межвоенного периода. Выделяются факторы, повлиявшие на эту специфику. Дополнительно привлекаемая информация позволяет авторам определить (в постановочном плане) уровень состояния белорусоведения в Европе к началу Второй мировой войны.

Ключевые слова: *научное белорусоведение, Великобритания, Польша, Европа, факторы и условия формирования белорусоведения*

В отмеченном ареале стран Европы интерес к Беларуси был тесным образом связан с теми важнейшими геополитическими событиями, которые имели в конце 1918–1939 гг., общеевропейский и мировой: резонанс (Первая мировая война 1914–1918 гг.); рождение в ЦВЕ молодых восточноевропейских государств – Чехословакии, Литвы, Латвии, II Речи Посполитой и др.). Вторым фактором, повлиявшим на интерес к Беларуси и ее народа, стало становление славяноведения, как отдельной отрасли гуманитарного знания в университетских центрах Западной Европы (университеты Берлина, Бреславу, Кембриджа, Лондона, Сорбонны, Коллеж де Франс) к 20-м гг. XX в. Третий фактор зарождения интереса к Беларуси в западном сообществе и странах ЦВЕ – появление значительных колоний эмигрантов из белорусско-литовских земель в этих странах в указанный период времени, как следствие событий, связанных с Первой мировой войной и Гражданской войной в России [1].

Однако становление белорусоведения в этих двух странах Европы имели и существенные отличия: 1) наличие существенной традиции изучения ВКЛ и Беларуси на тех территориях II Речи Посполитой, которые вошли в ее состав после Рижского мирного договора и экспедиции генерала Л. Желиговского (Западная Беларусь и Виленский край) и отсутствие таких традиций в Великобритании; 2) наличие доминирующего этнического белорусского компонента на востоке II Речи Посполитой после 1921 г. и отсутствие значительной белорусской диаспоры на Британских островах; 3) наличие крупного университетского центра, где изучение ВКЛ и его белорусских земель не прекращалось в

1921–1939-х гг. (Виленский университет имени Стефана Батория) и отсутствие аналогичных исследовательских центров в Великобритании. Все эти три компонента существенно отличали контекстовую социокультурную и научную почву, на основе которой происходило становление традиций белорусоведения в Великобритании и Польше в эти годы.

Изучение литературы, опубликованных источников, убедительно показывает, что определенную роль в зарождении интереса к истории Беларуси и ее культуры в британском и европейском славяноведении межвоенного периода начала играть белорусская диаспора в этих странах, которая пробудила интерес к Беларуси и ее культуре в научном сообществе Европы межвоенного периода.

До XX в. уроженцы Беларуси оставили свой, хотя и не очень заметный, след в странах континентальной Европы и на Британских островах. В зависимости от эпохи менялись мотивы, социальный портрет и степень знакомства белорусов, прибывавших в страны Западной Европы. Эта ситуация хорошо прослеживается на примере Великобритании. Введенная в оборот научно-исследовательская информация позволяет наметить 3 периода в истории появления жителей ВКЛ и Беларуси в Великобритании до 40-х гг. XX в.: 1) XV в. – 20-е гг. XIX в.; 2) 30–70-е гг. XIX в.; 3) конец XIX в. – 30-е гг. XX в.

Первый этап был представлен путешественниками, дипломатами, учеными – представителями образованного шляхетско-магнатского меньшинства белорусского общества (книгопечатник Ян Литвин – конец XV в., представители династии Радзивилов – XVI–XVII вв., король Речи Посполитой Станислав Август Понятовский, М. К. Огинский, А. Чарторыйский, Ю. Немцевич, ученые М. Почобут-Одзяницкий, С. Богуш-Сестренцевич, А. Бэю – XVIII в. Большинство из них отразило свои впечатления о Великобритании в путевых заметках, дневниках и воспоминаниях [2] и принесло первую информацию о своей Родине (ВКЛ и Беларуси) в английскую культурную и политическую среду раннего Нового времени.

Период 30–70-х гг. XIX в. был представлен двумя волнами эмигрантов из белорусско-литовских губерний Российской империи: 1) политической эмиграцией, связанной с восстаниями 1830–1831-х гг. и 1863–1864-х гг. [3; 4] и 2) экономической эмиграцией, в основном еврейского населения, «черты оседлости» западных губерний России конца XIX – нач. XX вв. [5]. Эти периоды позволяют говорить о более или менее существенной в количественном отношении эмиграции из белорусско-литовских губерний в Великобритании. Только Великая эмиграция после восстания 1830–1831-х гг. привела на Британские острова около тысячи выходцев с территории бывшей Речи Посполитой. Как правило, это были представители шляхетского сословия, нередко хорошо образованные, с явно выраженными способностями в области литературы, искусства, истории, политической деятельности (С. Томашевский, К. Борткевич, Т. Буткевич, Н. Грабовский, М. Керсновский, Г. Красинский, А. Рьпинский, Л. Плятер, Г. Дмаховский и др.). После восстания 1863–1864-х гг. на короткое время Англию посетили В. Врублевский, Н. Судзиловский-Руссель [6, с. 15–30], которые познакомились там с К. Марксом и Ф. Энгельсом. Эту политическую волну эмиграции, как отмечают исследователи, сложно вычислить в количественных параметрах. Но это были уже не единицы, а сотни эмигрантов, которые чаще всего являлись носителями польской национальной идентичности, что определяло невозможность создания структур белорусских организаций, но зато активно участвовали в создании традиций влиятельной с той эпохи польской диаспоры в Великобритании. В конце XIX в. – 30-х гг. XX в. в Великобританию приезжали представители экономической эмиграции (крестьяне, мелкие торговцы и ремесленники из бывшей черты оседлости Российской империи и восточных (западнобелорусских) воеводств II Речи Посполитой). Среди еврейских эмигрантов, уроженцев Беларуси, были те, которые стали впоследствии известными учеными, религиозными и политическими деятелями Великобритании и Израиля (Ш. Адлер, Х. Вейцман, Ш. Гильман, И. Шенберг и др.) [7; 8], представители правительства БНР – С.

Житловский, Д. Анекштейн. Для этой волны эмигрантов из белорусских земель были характерны низкий уровень национального белорусского сознания и преобладание конфессиональной идентичности над национальной. Что в свою очередь отразилось на отсутствие в этот период попыток создания белорусских организаций и нередкому растворению уроженцев Беларуси в еврейских, польских, российских и украинских общинах и диаспорах. Несмотря на указанные обстоятельства белорусско-британские контакты в XX в. становились более разнообразными, что нашло отражение в реализации нескольких интересных издательских проектов, связанных с пребыванием в Лондоне членов Гродненской организации Польской социалистической партии (ППС) (политических брошюр). О влиянии этих лондонских изданий на белорусские земли вспоминали Ромуальд Земкевич и Янка Купала.

В 1904 г. в лондонском российском эмиграционном издании *The Anglo-Russian* была опубликована статья *The White-Russians. A Nation driven back into the Middle Ages under Muscovite rule*, подписанная автором Palisander Heb. С приездом на учебу в Кембриджский университет сестры известных деятелей белорусского Возрождения братьев Ивановских Елены Ивановской в Кембридже недолгое время работал кружок студентов – представителей английской аристократии, которую Г. Пикарда назвал «Кембриджская хевра» (поэт Р. Брук, биохимики М. Уэлдейл, Г. Онслоу. В 1925 г. вышла книга А. Скотта *Beyond the Baltic*, в одном из разделов которой (White Russia) была помещена короткая информация об особенностях белорусского национального движения и белорусской истории. Символично, что одна из участниц «Кембриджской хевры» М. Герберт вместе с сыном Обероном во второй половине XX в. стали участниками (а Оберон и председателем) Англо-белорусского общества. Пыталось организовать свое представительство в Лондоне и руководство Белорусской Народной Республики (миссия С. Житловского). Задача этой малоуспешной миссии была постановка перед британским правительством белорусского вопроса в период проведения Генуэзской конференции [6, с. 15 – 30].

В 20–30-е гг. XX в. осуществлялись белорусско-британские контакты и с представителями БССР, после того как было создано Общество культурных связей БССР с заграницей во главе с Дмитрием Жилуновичем. Контакты эти имели фрагментарный характер и не создавали в белорусском обществе и экспертном сообществе Великобритании системных представлений о Беларуси и белорусской культуре.

Как показывает историографическая традиция и источники, историческая славистика в Великобритании – явление сравнительно недавнего прошлого. Можно говорить о ее научном становлении не ранее конца XIX – начала XX вв. Поскольку белорусоведение в Великобритании является частью славистического комплекса, ее прошлое и настоящее органично связаны с процессом становления британской славистики и того общественно-политического контекста, в котором она развивалась на протяжении XX – начала XXI вв. На это обращал свое внимание один из первых исследователей генезиса славистика в неславянских странах Й. Хамм [9]. Изучение истории британской полонистики показывает, что, как правило, белорусская проблематика в работах британских историков Польши была существенным «вкраплением» в трудах по истории I Речи Посполитой, польской эмиграции в Великобритании XIX – первой половины XX вв., белорусско-российских отношений XVIII–XX вв. (монографии и статьи С. Джонса, Дж. Флетчера, В. Красиньского, У. Дж. Роуза, А. Босуэлла, Ш. Аскинази, Р. Ситтона-Уотсона, А. Залесского, О. Халецкого, В. Завадского [10, с. 40–51].

Переломным моментов в развитии британской славистики явилось создание Школы славянских исследований в Лондонском университете в 1915 г. Значительную роль в первые годы ее становления сыграли видные слависты Восточной Европы Т. Масарик (будущий президент Чехословакии – А. Д.), Я. Бодуэн де Куртенэ (Россия), М. Здзеховский, Ш. Аскинази, Р. Дмовский (Польша).

В обстановке сложной международной ситуации первой трети XX в. низкий уровень английской славистики определял ее неконкурентоспособность по отношению к науке Германии, что придавало политическую остроту этому вопросу накануне Второй мировой войны. Не получая существенной поддержки со стороны своего правительства британские слависты межвоенного периода активно укрепляли связи с американскими коллегами и исследователями стран Центральной и Юго-восточной Европы. Как итог этих усилий в 1935–1936 гг. при финансовой поддержке правительства Польши британской полонистике У. Дж. Роуз получил на десятилетний срок кафедру в Школе славянских исследований, а накануне Второй мировой войны в составе Школы наряду с русским и центрально-европейским выделяется особое польское отделение.

Знакомясь с работами отечественных ученых, так или иначе затрагивавших эту тему, приходится констатировать тот факт, что историография проблемы сравнительно невелика по объему. В белорусской историографии XX – начала XXI вв. обобщающих работ о белорусской историографии 1921–1939 гг., за исключением монографии В. Н. Михнюка [11] и небольшой монографии Д. В. Карева [12], не возникало

На характер освещения пути, пройденного белорусской историографией в этот период ее развития в историографической традиции XX в, самым существенным образом повлиял социально-политический контекст эпохи. Именно он определял «русло течения» белорусской культуры, исторического сознания белорусов и их составной части исторической науки. 1919–1920-е гг. XX в. – это время привнесения национально окрашенных концепций прошлого Беларуси в сферу массового исторического сознания населения БССР (М. Довнар-Запольский, В. Ластовский, братья Луцкевичи, Е. Канчер, В. Игнатовский, А. Цвикевич).

Нельзя не отметить тот факт, что историческая наука в Беларуси получила возможность своего институционального оформления и развития только после окончания Гражданской войны в России и начало мирного гражданского строительства в период НЭПа. Образование Белорусской Советской Социалистической Республики явилось очень значимым фактом в исторической судьбе в последующие годы белорусского народа.

Имеющаяся на сегодняшний день накопленная историографическая традиция проблемы изучения западнобелорусского региона II Речи Посполитой и введенная в оборот источниковая база, позволяют прийти к следующим выводам предварительного характера:

– определяющим фактором, влиявшим на возможности развития исторической науки в западнобелорусском регионе, являлся характер социально-политического контекста в Западной Беларуси 1921–1939 гг., и, прежде всего, политика польского государства по отношению к белорусскому национальному меньшинству. Она характеризовалась великодержавной, шовинистической направленностью. Белорусы не признавались нацией, а рассматривались скорее, как некая этнографическая группа, потенциально не всегда лояльной ко II Речи Посполитой. Осуществлялась целенаправленная полонизация белорусского населения, закрывались существовавшие до этого периода белорусские школы, учительские семинарии, гимназии, не допускалось употребление белорусского языка в государственных учреждениях, в органах местного самоуправления. Характерной была и религиозная нетерпимость польских властей к православному большинству белорусского населения (из 500 существовавших в начале 20-х гг. XX в. православных церквей более 300 были превращены к 1939 г. в католические костелы;

– однако в 20-е гг. XX в. лидеры белорусского национального движения во II Речи Посполитой (В. Тарашкевич, С. Рак-Михайловский, П. Метла, П. Валошин, и др.) имели определенные механизмы политического и культурного представительства в системе польского государства (Белорусский Посольский клуб в сейме; Белорусская крестьянско-рабочая громада; Товарищество белорусской школы; Белорусский институт науки и хозяйства; Белорусская христианская демократия). Все это позволяло в 20-е гг.

развивать, хотя и в ограниченных масштабах, белорусскую национальную культуру и ее составную часть – историческую идеологию;

– острая политическая и культурно-национальное противостояние между национальной белорусской элитой «восточных крессов» П Речи Посполитой и польского государства делало практически невозможным даже в сравнительно либеральных условиях 1922–1927 гг. полноценное развитие научных, академических и вузовских центров белорусского национального меньшинства в эти годы. Жесткий контроль за деятельностью официально зарегистрированных краеведческих организаций края обуславливал их ограниченные возможности в деле популяризации белорусского культурного наследия и истории Беларуси. Поэтому в значительной степени функцию популяризации истории белорусского прошлого в эти годы взяла на себя яркая публицистическая мысль белорусских периодических изданий региона. К факторам внешнего характера, несомненно влиявшим на характер развития белорусской культуры и исторического сознания населения Западной Беларуси, относились:

– резонанс проводимой в эти годы в БССР политики белорусизации и активного национально-культурного строительства;

– сотрудничество некоторых лидеров Громады с советскими политическими центрами.

Обзор и анализ историографической традиции и источников по данной проблеме позволяет прийти к следующим выводам:

– исследование степени и каналов воздействия социально-политического фактора на характер развития исторической мысли, исторической науки и исторического сознания белорусов в 20-е гг. XX в. позволяет, при всем различии социально-политических контекстов БССР и П Речи Посполитой, утверждать о доминирующем воздействии этого фактора на характер формирования исторического менталитета белорусского общества этого периода (условия; возможности развития; формы и масштабы реализации исторической идеологии и исторического знания и др.).

Главным фактором, влиявшим на обстоятельства развития исторического краеведения и исторического сознания Западной Беларуси в 1930–1939-х гг., являлась ситуация, порожденная жесткой и последовательной политикой полонизации и национально-культурной ассимиляции, проводимой правительственными кругами П Речи Посполитой на так называемых «восточных крессах» государства (Западная Беларусь, Западная Украина).

В конце 30-х гг. XX в. на тяжелом состоянии исторического краеведения в Западной Беларуси, связанного с белорусским национально-культурным движением, сказывалось отсутствие в регионе белорусских, академических и вузовских научных центров. Несомненно, отражались на замедленном характере развитие исторического национального сознания белорусов регионов и те политические репрессии, которым были подвергнуты многие лидеры белорусского национально-культурного движения этих лет.

В первую очередь, правительственными кругами П Речи Посполитой и администрации края поддерживались те центры культуры и исторического краеведения, которые способствовали пропаганде польской культуры и «польской цивилизации» в Западной Беларуси. Для польских краеведческих центров тех лет, в силу такой ситуации было характерно политическая ангажированность и тенденциозность в толковании основных моментов в истории белорусского этноса. Что в свою очередь сказывалось как на профессиональном уровне публикуемых работ, так и на существенном сужении круга исследовательской проблематики [13].

Главным проводником – транслятором идеологии польской культурной и исторической доминанты в крае выступал, несомненно Виленский университет им. Стефана Батория. Белорусские научные кружки и землячество университета существенного влияния на трансляцию идей белорусской национальной исторической

идеологии, в сфере массового исторического сознания белорусского населения края, в силу слабости своей ресурсной базы, не имели. [14].

Основной научно-просветительской организацией белорусов региона в эти годы становится Белорусское Научное Общество (БНО). Хотя собственно историческая секция при БНО была создана только осенью 1932 г., тем не менее, само общество в своей работе всегда старалось придерживаться принципа исторической преемственности, формируя основные подходы в оценки собственного национального прошлого. Такой принцип нашёл своё выразительное воплощение в проведении различного рода юбилеев, посвящённых наиболее значимым событиям национальной истории. На протяжении нескольких лет БНО успело торжественно отметить: 400-летие белорусского книгопечатания (1925), 400-летие Статута ВКЛ 1529 г. (1929); 500-летие смерти Витовта (1930) и другие значимые даты.

Белорусское Научное Общество, по существу, – единственная организация по эту сторону польско-советской границы, которая формировала общенациональный подход в определении исторического прошлого, в силу политических причин в значительной степени была ограничена в своих возможностях. Речь идет не только о свободной циркуляции исторических знаний и их интерпретации в духе национальной идеологии. Кроме перманентно усиливающегося давления со стороны польского государства и различных около государственных структур, БНО приходилось всё время преодолевать внутринациональные разногласия, связанные с существенными отличиями политических взглядов ее лидеров [15].

Традиции систематического изучения истории языка и культуры восточных славян в целом, и белорусов, в частности, были связаны с разработкой политических проектов становления в Восточной Европе молодых европейских государств и образованием СССР. Они получили освещение прежде всего в курсах всеобщей истории, изданных преподавателями этих университетов. К 1930-м гг. белорусский язык стал рассматриваться в академической европейской славистике как самостоятельный восточнославянский язык, а не как региональный вариант русского.

Вторым видом историографических источников, в которых белорусоведческая проблематика получила достаточное внимание, стала историческая публицистика этих стран, тесно связанная с политическими событиями 1918–1939 гг. К 30-м гг. XX в. появились и первые (обзорного плана) работы, посвященные белорусам и белорусскому вопросу, как одной из составных проблем рождения в Европе так называемых «молодых наций», заявивших свое право на самостоятельное государственное национально-культурное определение. Однако институциональных научных центров, специализировавшихся по белорусоведению в Великобритании этого периода, создано не было. В Восточной Европе (Польша, Речь Посполитая, Литва, Латвия) такие небольшие институциональные центры появились. Однако они имели характер общественных объединений и не имели государственной поддержки. Поэтому трансляционный эффект информации о Беларуси в этих странах был весьма незначительным. В большинстве случаев Беларусь и белорусы, как в Великобритании, так и в Восточной Европе (включая Польшу), рассматривались как часть более крупных политических образований (Великое княжество Литовское, Российская империя, Речь Посполитая, СССР).

1. Карев, Д. В., Дудько, А. Д. Зарубежное белорусоведение XVI – начала XXI вв.: основные этапы и проблемы становления и развития: моногр. / Д.В. Карев, А.Д. Дудько. – Гродно : ЮрСаПринт, 2016. – 140 с.
2. Герновіч, Т. Д. Асаблівасці нацыянальнага разумення архіўнай рэстытуцыі / Т.Д. Гярновіч // *Образы прошлого в историографии: белорусско-французский диалог: материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Историография как объект исследования», Минск – Париж, БГУ – МГЭИ, 21–22 мая 2008 г.* / редкол.: А. Н. Алпеев [и др.]. – Минск : ЗАО «Веды», 2008. – С. 112–121.

3. Введение в историографию белорусоведения [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: [http:// www.ehu. lt/ studies / bachelor / catalogue / history_of_belarus_and_cultural_/0005716 /](http://www.ehu.lt/studies/bachelor/catalogue/history_of_belarus_and_cultural/0005716/). – Дата доступа: 08.04.2010.
4. Саракавік, І. А. Беларусазнаўства: вучэб. дапам. / І. А. Саракавік. – Мінск : Веды, 1998. – 284 с.
5. Шыбека, З. В. Беларусазнаўства / З. В. Шыбека // Энцыкл. гіст. Беларусі: у 5 т. / рэдкал. : Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 1993. – Т. 1. – С. 346 – 348.
6. Гардзіенка, Н. Беларусы у Вялікабрытаніі. / Н. Гардзіенка. – Мінск : Медысант. – 2010. – 620 с.
7. Лозка, А. Беларусазнаўства як прадмет. / А. Лозка // Беларусіка = Albargthenica / рэд. А. Анціпенка [і інш.]; Нац. навук.- асвет. цэнтр імя Ф. Скарыны. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – Кн. 2: Фарміраванне і развіццё нацыянальнай самасвядомасці беларусаў. – С. 224–227.
8. Карев, Д. В. Белорусская и украинская историография конца XVIII – начала 20-х гг. XX в.: в процессе генезиса и развития национального исторического сознания белорусов и украинцев / Д.В. Карев. – Вильнюс : ЕГУ, 2007. – С. 18–34.
9. Хамм, Й. О специфике развития славистики в неславянских странах / Й. Хамм. // Методологические проблемы истории славистики. – М. : Наука, 1978. – С. 119–145.
10. Горизонтов, Л. Е. Изучение истории Польши в Великобритании: организация исследований и научные кадры / Л. Е. Горизонтов // Славяноведение и балканистика в странах зарубежной Европы и США / отв. ред.: А. С. Мыльников; АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. – М. : Наука, 1989 . – С. 39–56.
11. Михнюк, В. Н. Становление и развитие исторической науки советской Беларуси (1919–1941 гг.). / В. Н. Михнюк. – М. : Наука и техника, 1985. – 284 с.
12. Карев, Д. В. Белорусская историография и формирование исторического сознания белорусов в 1914–1945 годах (основные тенденции развития в геополитическом контексте эпохи) / Д. В. Карев. – Гродно : ЮрСаПринт, 2016. – 112 с.
13. Вабішчэвіч, А. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.). /А. Вабішчэвіч. – Брэст : БрДУ, 2008. – 416с.
14. Загідулін, А. М. Беларускае пытанне ў польскай нацыянальнай і канфесійнай палітыцы ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.): манагр. / А. М. Загідулін. – Гродна : ГрДУ ім. Я. Купалы. – 2010. – 183 с.
15. Карев, Д. В. Белорусская историография и историческое сознание белорусского общества в 1919–1941 гг. (Основные этапы и тенденции развития) / Д.В. Карев // Історична наука, історична пам’яць та національна свідомість модерної доби в Україні, Білорусі та Польщі / За ред. В. Масненка [та ін.]. – Черкаси : Вертикаль, 2011. – С. 107–119.